

A movie poster for the film 'Araash: The War for the World'. The central figure is a woman with long, dark, wavy hair and striking blue eyes, looking directly at the viewer with a serious expression. She has a small, crescent-shaped tattoo on her left cheek and is wearing a dark, low-cut garment with a light-colored shawl draped over her shoulders. In the background, a hooded figure with glowing blue eyes is visible against a hazy, orange-toned sky. The title 'АРАШ – ВОЙНА ЗА МИР' is written in large, white, serif capital letters across the middle of the image. Below it, the subtitle 'Идущая по пескам' is written in a smaller, white, serif font. At the bottom, the actress's name 'Наталья Тудаль' is displayed in a black, italicized serif font within a white rectangular box.

АРАШ – ВОЙНА ЗА МИР

Идущая по пескам

Наталья Тудаль

Наталья Тудаль

Араш - война за мир

«Литнет»

2026

Тудаль Н.

Араш - война за мир / Н. Тудаль — «Литнет», 2026

Вашему вниманию представлена третья книга цикла «Идущая по пескам»;♥#Она — дитя пустыни. Орудие Хаоса. И её время пришло. В мире Аорон, где реальности трещат по швам, а магия требует жестокой цены, выживает сильнейший. Араш, найденыйш с тайной прошлого, выросла в суровом Храме Бога Хаоса. Её детством были не игрушки, а песок, забивающийся в рот, и холодный камень одиночной кельи. Её учителями были не книги, а боль и молчаливое наблюдение. Теперь ей предстоит пройти через самые суровые испытания, чтобы доказать своё право носить звание Мастера и узнать, что скрывает её собственная кровь. Добро пожаловать в эпическое фэнтези, где:Магия рождается из хаоса и требует неслыханной цены.Сила бывает не только в грубой силе, но и в тихом шепоте яда и хитросплетениях алхимии.Клинки помнят своих хозяев и сами вершат судьбы.Каждая реальность хранит свои ужасы и чудеса, а границы между ними тоньше, чем кажется.Начните путешествие по мирам Аорон вместе с Араш — героиней, чьё имя скоро будут произносить с трепетом и страхом.

© Тудаль Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Рассвет в Пустошах — это резкая, безжалостная смена декораций. Ночной холод, укутывавший мир, будто испуганный зверь, обращался в бегство под натиском первых солнечных копий. Песок, еще недавно леденящий, начинал накапливать зной, и воздух трепетал, искажая горизонт.

Моргус ждал меня у расщелины, его мощный силуэт вырисовывался на фоне светлеющего неба. Он нервно переступал с лапы на лапу, и, увидев меня, издал низкий, гортанный звук, полный облегчения. Я прижалась к его теплой шее, вдыхая знакомый запах пыли, перьев и верности.

«Ты пахнешь чужим камнем и старой яростью», — прозвучало в моей голове.

«Зато теперь я пахну надеждой», — ответила я, поглаживая его шею. Медальон лежал под одеждой, на одной цепи с амулетом-личиной, и их тепло сливалось в одно, странное и успокаивающее. *«Полетим. Быстрее»*.

«Куда?»

Я взобралась ему на спину. Взгляд упал на багровую полосу зари на востоке. Туда, где кончались пески и начинались бескрайние степи Драгарии. Воспоминание о видении горело во мне — парящие башни, мосты из света, улыбка матери на фоне живого, а не умирающего города.

«На восток, — сказала я, и слова прозвучали как клятва. — В Драгарию. Ищем следы».

Мы поднялись в воздух, и ветер Пустошей, провожающий и колючий, ударил мне в лицо. Я не оглядывалась. Позади оставалось логово, где правду кроили по лекалу чужих интересов. Впереди лежала земля кочевников, информаторов и хранителей древних карт. Если где и можно было найти слух о «мертвом» разломе в Мэриэль, так это там.

Путь в Драгарию занял несколько дней. Мы летели над меняющимся ландшафтом: рыжие пески Генэ постепенно сменялись холмистыми сухими степями, потом пошли ковыльные равнины, прорезанные редкими пересыхающими речушками. Воздух стал другим, не сухим и раскаленным, а напоенным запахами полыни, нагретой земли и свободы.

Мы избегали крупных поселений, останавливаясь у одиноких родников. Я практиковалась. С медальоном на груди мои попытки «слышать» мир стали иными. Раньше это был диалог, просьба. Теперь... теперь это было похоже на настройку инструмента. Я посылая в окружающее пространство тихую, ровную ноту — ноту медальона, ноту Мэриэля и слушала отклик.

И мир отвечал иначе. Камень под ногами не просто «был», он хранил в себе эхо древних морей. Колючий куст полыни не просто боролся за выживание, он пел горькую, но гордую песню о своем праве на жизнь. Я чувствовала не просто существование, а биографию всего, к чему прикасалась.

Как-то раз, пытаясь поймать слабый резонанс в глубине старого высохшего русла, я наткнулась на след. Не физический. Энергетический. Тот же привкус, что и от медальона, но старый, выцветший, как чернила на солнце. Кто-то или что-то, связанное с Мэриэлем, было здесь давным-давно. След вел на восток.

«Чувствуешь?» — спросила я Моргуса, делясь с ним этим ощущением.

«Да. Как старая рана на теле земли. Ее заметно», — ответил он, и в его мысленном голосе прозвучала настороженность.

Мы шли по этому следу еще два дня. Он привел нас к одинокому каменному обелиску, полузасыпанному песком. Никаких надписей, лишь выветренные временем символы, отдаленно напоминающие узоры на шкатулке. Это была не дорога. Это была веха. Указатель, оставленный кем-то, кто знал путь.

Именно здесь нас и нашли.

Трое всадников на низкорослых, выносливых степных лошадях появились из-за холма бесшумно, как тени. Их одежды из грубой шерсти и кожи сливались с пейзажем, а лица скрывали капюшоны. Они не выхватывали оружие. Они просто окружили нас, и от них исходила тихая, но уверенная угроза.

Один из них, тот, что был явно старше, тронул поводья, и его конь сделал шаг вперед.

«Земля клана Сокола, — произнес он на гортанном наречии Драгар. Его голос был хриплым, как скрип кожи. — Чужакам здесь не место. Особенно тем, кто идет по Тропе Теней».

Я не стала тянуться к клинкам. Вместо этого я медленно откинула капюшон, показывая лицо, скрытое личиной. Пусть видят, что я не скрываюсь.

– Я ищу не беду, а знания, — ответила я на том же языке, заставив себя говорить медленно и уважительно. Уроки Храма, пригодились. — Я ищу дорогу, которую забыл мир.

Второй всадник, помоложе, с насмешливыми глазами, выглянувшими из-под капюшона, фыркнул.

– Забытые дороги ведут к могилам, женщина. Убирайся, пока можешь.

Но старший поднял руку, заставив его замолчать. Его взгляд, острый и пронизательный, скользнул по мне, по Моргусу, замершему в готовности, и остановился на моей груди. Там, где под тканью лежал медальон.

– Ты идешь по следу, которого нет, — сказал он задумчиво. — И несешь на себе знак, которого не должно быть. Это либо безумие, либо нечто большее. — Он помолчал, оценивая. — Старейшины решат. Ты пойдешь с нами. Без сопротивления. И твой... зверь... должен быть смиренным.

Я обменялась взглядом с Моргусом. В его золотых глазах читалось то же, что и у меня — это был риск. Но это был и шанс. Эти люди знали о «Тропе Теней». Они могли быть ключом.

– Он не зверь, — мягко поправила я. — Он мой друг. И мы последуем за вами. Пока вы ведете нас к тем, у кого есть ответы.

Старший кивнул, развернул коня и тронулся в путь. Мы с Моргусом двинулись следом, окруженные молчаливыми всадниками. Я не знала, ведут ли они нас к союзникам или в ловушку. Но я чувствовала одно — холодный, едва уловимый след, который я преследовала, здесь, среди этих степей, стал чуть ярче. Игра начиналась по-настоящему.

Всадники вели нас по степи молча, меняя направление так часто, что скоро я потеряла бы ориентацию, если бы не внутренний компас, тот самый слабый резонанс медальона, что тянул меня на восток. Мы шли несколько часов, пока на горизонте не показались невысокие холмы, изрезанные оврагами.

Старейший из проводников, которого младшие называли Арман, поднял руку, и наш маленький караван остановился перед, казалось бы, непримечательным спуском в один из таких оврагов.

– Здесь, — коротко бросил он, спрыгивая с седла.

Я последовала за ним, Моргус шел сзади, его крылья были плотно прижаты, а золотые глаза зорко сканировали окрестности. Спуск оказался крутым и извилистым, но, пройдя за поворот, я замерла.

Внутри оврага, скрытый от посторонних глаз, раскинулся целый лагерь. Не бросающиеся в глаза юрты цвета пыли и сухой травы были искусно вписаны в ландшафт. Дымок от костров поднимался почти невидимыми струйками, растворяясь в воздухе. Повсюду сновали люди в такой же практичной одежде, что и у наших провожатых. Здесь царил атмосфера напряженного, вынужденного покоя.

Нас провели к самой большой юрте у дальней стены оврага. У входа нас встретила женщина. Высокая, худая, с лицом, испещренным морщинами, как высохшее русло реки. Ее волосы, заплетенные в десяток тонких кос, были цвета стали. Но взгляд... ее темные глаза были молоды, пронзительны и обладали той же бездонной глубиной, что и глаза Верды.

Арман склонил голову.

– Старейшина Касия. Мы нашли ее у Скалы Предков. Она шла по Тропе. И несет на себе Знак.

Касия, медленно обвела взглядом меня, потом Моргуса. Ее взгляд задержался на моей груди, и я почувствовала, как медальон под одеждой ответил слабым теплом.

– Войди, путница. Твой спутник может ждать здесь. Ему дадут воды и мяса.

– Он остается со мной, – сказала я твердо, но без вызова. – Где я, там и он.

Касия изучающе посмотрела на Моргуса, который издал низкое ворчание, но остался на месте.

– Как пожелаешь. – Она откинула полог юрты и жестом пригласила меня внутрь.

Внутри пахло дымом, сушеными травами и старой кожей. В центре тлел очаг, дым уходил в отверстие наверху. Касия опустилась на грудь подушек и указала мне место напротив.

– Тропа Теней, – начала она без предисловий, – не для чужаков. Ее хранят кланы с тех пор, как звезды помнят иное небо. Почему мы должны позволить тебе идти по ней?

Я сняла амулет–личину. Магия рассеялась, и мое настоящее лицо предстало перед ней. Я видела, как в ее глазах мелькнуло что–то, не удивление, а скорее подтверждение.

– Потому что я не совсем чужая. И тропа, которую я ищу, ведет не через вашу землю, а из нее. В мир, который вы, возможно, помните в своих легендах. В Мэриэль.

Я не стала тянуть. Я достала медальон и положила его на низкий столик между нами. Он мягко засветился в полумгле юрты. Касия не потянулась к нему. Она лишь смотрела на него с тем же безмятежным, но напряженным вниманием.

– Артефакт Мерцающих. Давно мы не видели их даров. Откуда он у тебя?

– От матери. Ее звали Лианна. Она была хранителем знаний Мэриэля. Она пришла сюда, чтобы спасти меня. И, возможно, чтобы попросить о помощи для мира, который покинула.

Касия медленно кивнула, ее пальцы провели по резному узору на столе.

– Легенды говорят, что Врата между мирами закрылись, когда на Мерцающих пала Тихоярная Коса. Мы считали их мир утраченным. Поглощенным Безмолвием.

– Безмолвием? – переспросила я, и сердце мое упало. – Вы знаете об иномирцах?

– Мы знаем о Пустоте, что пожирает песню мироздания, – поправила она. – Она всегда была здесь, на окраинах. Но двадцать лет назад ее шепот стал криком. И Врата закрылись. Не по нашей воле. – Она посмотрела на меня прямо. – Ты хочешь открыть их снова.

– Я должна попытаться. Это мой долг. И, возможно, единственный шанс для наших миров. Пустота не остановится на Мэриэле.

Касия долго молчала, глядя на пламя очага.

– Дорога к Забвенному Алтарю опасна. Земли за восточным хребтом больше не наши. Там хозяйничают люди в белых одеждах. Они роют землю, ищут что–то. Их машины ревут, как раненые звери, и песня земли там затухает. – Она снова посмотрела на меня. – Они ищут тебя, девочка. Или то, что ты несешь.

Вот и все. Иномирцы были уже здесь. Они опережали меня.

– Тогда у меня еще меньше времени.

– Возможно, – Касия поднялась с подушек с грацией молодой женщины. – Но одна лишь поспешность приведет тебя к гибели. Тропа требует уважения. И проводника.

Она подошла к выходу из юрты и крикнула:

– Калан! Иди сюда!

Через мгновение в юрту вошел тот самый молодой всадник с насмешливыми глазами. Теперь, без капюшона, я разглядела его лицо — смуглое, с острыми скулами и упрямым подбородком.

– Тетушка?

– Это твоя задача, – сказала Касия. – Ты проведешь путницу к Алтарю Забвения. И помо- жешь ей избежать внимания Белых Демонов.

Лицо Калана вытянулось. Он бросил на меня быстрый, недовольный взгляд.

– Тетушка, это безумие! Водить какую-то южанку по Расколотым землям? Она привле- чет на нас всех Белых Демонов, как падаля — стервятников!

– Она идет по Тропе Теней и несет Знак Мерцающих, – холодно отрезала Касия. – Это выше твоего недовольства, племянник. Ты сделаешь, как сказано. Или я найду тебе другое занятие. Например, чистить загоны для сайгаков до следующей зимы.

Калан сглотнул, с неохотой склонил голову.

– Как скажешь.

– Хорошо, – Касия повернулась ко мне. – Отдохни сегодня. На рассвете вы двинетесь в путь. И помни, путница... – ее взгляд снова стал бездонным, – Алтарь не просто место. Он живой. И он помнит все. В том числе и боль закрытия. Будь готова.

Она вышла, оставив меня наедине с хмурым проводником и тихим ворчанием Моргуса. Путь был определен. Но теперь я знала, что впереди не просто дорога, а гонка со временем и врагом, который уже стоял у ворот.

Глава 2

Рассвет в степи был мгновенным, как взмах крыла. Однажды мир был окрашен в сизые, холодные тона, и вот уже все вокруг пылало рыжим и золотым. Воздух звенел от предстоящего зноя.

Калан ждал нас у края лагеря, прислонившись к своему низкорослому, костистому коню. Он был одет так же, как накануне, но теперь через плечо у него был перекинут длинный лук в простом чехле, а за поясом торчала рукоять кривого ножа. Его лицо все так же выражало скептицизм и недовольство.

— Эй, южанка. Проснулась? — бросил он, не глядя на меня. — Или твой пернатый зверь еще спит?

Моргус, стоявший рядом, издал низкое предупреждающее ворчание. Я положила руку ему на шею, успокаивая.

— Он спит, только когда ему не угрожают, — парировала я, подходя. — А я всегда начеку. Особенно с не самыми дружелюбными проводниками.

Калан наконец повернулся ко мне, его насмешливые глаза скользнули по мне с ног до головы.

— Дружелюбие — роскошь для тех, кто не ведет чужаков в пасть к Белым Демонам. Готовься. В путь.

Он ловко вскочил в седло, не предлагая помощи. Я усмехнулась про себя и легко взобралась на спину к Моргусу. Было что-то забавное в том, как глаза Калана на мгновение округлились, прежде чем он снова нахмурился.

— Лети за мной, — бросил он, разворачивая коня. — И постарайся не отставать.

Он пустил коня в быстрый галоп, и мы с Моргусом поднялись в воздух. С высоты лагерь клана Сокола выглядел как несколько серых камешков на дне гигантского оврага, и вскоре он скрылся из виду.

Мы двигались на восток, обходя редкие поселения и придерживаясь холмистой местности. Калан, как и обещал, знал каждую тропинку, каждый ручей. Он ехал, не оглядываясь, но я заметила, что он всегда выбирал путь, который позволял нам лететь, не поднимаясь высоко и оставаясь в тени холмов.

К полудню мы сделали привал у небольшого родника. Пока Моргус пил и сторожил окрестности, я села на камень неподалеку от Калана, который молча жевал полоску вяленого мяса.

— Эти Белые Демоны, — начала я, разламывая лепешку, данную мне в лагере. — Они давно здесь?

Калан не сразу ответил, с неохотой проглотив пищу.

— Появились несколько лун назад. Сначала редко. Теперь их отряды рыщут повсюду к востоку от хребта. Копают землю, ставят свои мертвые камни, которые гудят и гасят жизнь. — Он швырнул камень в ручей. — Сначала мы думали, это новые охотники за артефактами. Но они не ищут сокровища. Они... высасывают душу из земли. Трава чернеет, где они прошли. Звери уходят. Песня степи затихает.

В его голосе сквозь недовольство прорывалась настоящая, глубокая боль. Он был не просто проводником. Он был частью этой земли, и он чувствовал ее раны.

— Я знаю, что они делают, — тихо сказала я. — Я сталкивалась с ними раньше.

Он посмотрел на меня с новым интересом.

— И выжила? Как?

— Мне помог огонь, — уклончиво ответила я. — И камень. И ветер. Мир не любит, когда его пытаются умертвить.

Калан хмыкнул, и в его глазах мелькнуло нечто, похожее на уважение.

— У нас есть легенда, — сказал он неожиданно. — О том, что когда-то, во времена великой стужи, дух степи обратился в белого волка. И он вел заблудившихся к теплу, а тех, кто хотел осквернить землю, заводил в топи, откуда нет возврата. — Он посмотрел на Моргуса. — Твой зверь... он не похож на волка. Но в нем есть что-то от того духа. Сила. И ярость.

— Его зовут Моргус, — поправила я. — И он друг. Не зверь и не дух.

Калан кивнул, вставая.

— Ладно, Араш-не-южанка. Дальше путь опаснее. Лучше идти, пока солнце не слепит глаза.

Мы снова двинулись в путь. К вечеру пейзаж начал меняться. Земля стала более каменистой, растительности — меньше. А потом я почувствовала это. Тот самый холодный, безжизненный гул, что исходил от кристалла у Верды. Сначала слабый, как комариный писк, но с каждым нашим шагом он нарастал.

Калан остановил коня на гребне холма и жестом подозвал нас. Мы с Моргусом приземлились рядом, и я, пригнувшись, подползла к краю.

Впереди, в огромной, неестественно ровной котловине, раскинулся лагерь иномирцев. Серебристые модули их базы сливались в единую, странную конструкцию, похожую на спящее насекомое. Вокруг сновали фигуры в белых костюмах. А в центре стояла та самая машина — высокая, бледная башня, испускающая тот самый гул. От нее расходились круги мертвой, потрескавшейся земли.

— Видишь? — прошептал Калан, и в его голосе была ненависть. — Они не просто пришли. Они заражают саму основу мира. Это и есть Расколоте земли.

Я смотрела на это мертвое пятно, и медальон на моей груди вдруг ответил резкой, болезненной вспышкой тепла. Не предупреждение. А призыв. Отзвук.

— Они не просто копают, — прошептала я, внезапно поняв. — Они не ищут артефакты. Они пытаются пробурить дыру в саму ткань реальности. Или... заглушить что-то, что бьется здесь, под землей.

Я посмотрела на Калана. Его лицо было бледным.

— Алтарь Забвения. Он здесь, не так ли? Где-то рядом.

Он медленно кивнул, не отрывая взгляда от базы.

— Легенды гласят, что он скрыт в пещерах под этими холмами. Мы думали, это метафора. — Он сглотнул. — Похоже, Белые Демоны знают легенды лучше нас. Они не роют наугад. Они идут прямо к нему.

Мы лежали на холме, и тяжесть открытия давила на нас. Враг не просто стоял на пути. Он уже начал долбить дверь, за которой хранилась величайшая тайна этого мира. И моя единственная надежда.

Мы отползли с гребня холма, скрывшись от чужих глаз. Воздух в ущелье, где мы укрылись, казался густым от того мертвящего гула, что исходил от базы иномирцев.

— Значит, твой Алтарь — прямо под ними, — Калан с силой вытер лицо, словно пытаясь стереть увиденное. — Все кончено. Мы не пробьемся.

— Кончено? — я посмотрела на него, и во мне закипела знакомая, упрямая ярость. — Они еще не нашли его. Они только ищут. А мы уже знаем, где он. Это дает нам фору.

— Фору? — он горько рассмеялся. — Против этих... вещей? Ты видела их лагерь! Это не горстка разбойников!

— Я видела нечто похожее в пустыне, — парировала я. — И мы с Вердой ушли от них. Они сильны, но не всеильны. У них есть слабости.

— Какие? — в его голосе прозвучал вызов.

Я закрыла глаза, вспоминая битву у Ледяного Клыка, погоню в пустыне. — Их технологии подавляют магию. Но против чистой физической силы, против ярости плоти и крови — они уязвимы. Их устройства можно вывести из строя. И они не понимают этот мир. Не чувствуют его. Для них это просто ресурс. А для нас... — я посмотрела на потрескавшуюся землю под ногами, — это дом.

Калан молчал, обдумывая мои слова. Моргус, лежавший рядом, поднял голову.

«Они копают. Шумно. Мы можем быть тише», — прозвучала его мысль, обжигающе простая и ясная.

— Твой... Моргус прав, — наконец сказал Калан, кивнув в сторону грифона. — Прямой штурм — смерть. Но если они копают, значит, есть шахты, туннели. А туннели... — в его глазах зажегся знакомый огонек охотника, — это как звериные норы. И в любую нору можно подобраться, если знать, как.

Он вытащил из-за пояса нож и начал чертить на земле. — Их лагерь — здесь. Они сосредоточились на восточном склоне. Но старые предания говорят, что к Пещерам Забвения был еще один вход. С севера. Со стороны Ущелья Плача. Его завалило обвалом сто лет назад. Но если мы...

— Если мы сможем его расчистить, мы войдем с тыла, — закончила я, и во мне вспыхнула надежда. — Пока они долбят с одной стороны, мы проскользнем с другой.

— Это риск, — предупредил Калан. — Обвал мог разрушить проход. Мы можем застрять. Или прямиком угодить в их тоннель.

— Любой путь — риск, — пожала я плечами. — Сидеть сложа руки — тоже. Я выбираю риск с шансом на успех.

Мы дождались ночи. Темнота в степи была абсолютной, лишь холодный свет чужих лун освещал нам путь. Мы с Каланом шли пешком, ведя его коня на поводу, а Моргус парил высоко в небе, его зрение, острое как у настоящего грифона, следило за передвижениями в лагере иномирцев.

Ущелье Плача оказалось глубоким разломом в скалах, заваленным гигантскими валунами. Калан шел уверенно, словно читая невидимую карту.

— Здесь, — он остановился у груды камней, которая смотрелась как естественная часть пейзажа. — За этим завалом должен быть проход.

Работа заняла несколько часов. Мы с Каланом, используя ломы и собственные силы, по одному откатывали камни. Моргус помогал, используя свою мощь, чтобы сдвинуть самые крупные глыбы. Наконец, показалась черная щель, достаточно широкая, чтобы в нее мог пролезть человек.

Из щели пахло холодом, пылью и... чем-то еще. Чем-то древним. Тем самым резонансом, что исходил от медальона.

— Это оно, — прошептала я.

Мы оставили коня Калана спрятанным среди скал, наказав ему оставаться на месте, и вползли внутрь.

Тоннель был низким и узким, но вскоре он вывел нас в просторную пещеру. И тут дыхание перехватило у меня и у Калана одновременно.

Пещера была огромной. Ее стены и свод были покрыты фресками, выполненными из какого-то мерцающего минерала. На них были изображены не люди и не звери, а потоки энергии, спирали галактик, схематичные рисунки миров, соединенных серебристыми нитями. В центре пещеры на невысоком пьедестале стоял круглый алтарь из черного камня, испещренный такими же мерцающими линиями. Воздух звенел от мощи, сосредоточенной здесь. Это была не магия Хаоса. Это было нечто более фундаментальное, более древнее. Сама геометрия реальности.

— Великая Мать... — прошептал Калан, с благоговением озираясь. — Легенды... они не лгали.

Но мой взгляд упал на противоположную стену пещеры. Там, где фрески были самыми сложными, из стены выступала странная, бледная конструкция. Труба из того же материала, что и костюмы иномирцев. Она медленно вращалась, и от нее исходил тот самый, ненавистный гул. Они не просто копали снаружи. Они уже проложили путь внутрь. Их буровая установка находилась в нескольких десятках метров от Алтаря.

И в этот момент из трубы послышался скрежет, и в проеме показалась фигура в белом костюме. Он был здесь. Один. Освещая пещеру лучом фонаря, он медленно двигался к Алтарю, держа в руках устройство, которое мерцало синхронно с линиями на камне.

Он еще не видел нас.

Я встретила взглядом с Каланом. В его глазах читалась та же решимость. Мы не могли позволить ему коснуться Алтаря.

Я сделала знак Моргусу остаться в тени. Прямая атака могла повредить хрупкие фрески. Это требовало точности.

Калан бесшумно снял лук со спины. Я же, прижимаясь к стене, начала обход, чтобы подобраться к иномирцу сбоку.

Он был в двух шагах от Алтаря, когда тетива лука Калана тихо вздохнула. Стрела просвистела в тишине и вонзилась иномирцу в плечо. Он не закричал. Лишь странно дернулся и повернулся, поднимая свое устройство.

Но я была уже рядом. Мой удар был быстрым и точным — ребром ладони по кисти, держащей устройство. Оно выпало и с треском разбилось о камень. В тот же миг я нанесла второй удар, в шею, в место, где по моим расчетам должен был находиться нервный центр.

Иномирца рухнул на пол без звука, словно марионетка с обрезанными нитями.

Мы стояли над ним, тяжело дыша. Гул снаружи продолжался. Они не знали, что один из их людей уже нейтрализован.

Я подошла к Алтарю и положила на него ладонь. Камень был теплым и пульсирующим. Медальон на моей груди вспыхнул ослепительным светом, и линии на Алтаре загорелись в ответ. В моем сознании пронеслись образы — звездные карты, координаты, схема разлома... и предупреждение. Огромная, всепоглощающая тень, надвигающаяся на Мэриэль. Тень Пустоты.

Я поняла все. Алтарь был не просто дверью. Он был маяком. И щитом. И он умирал, истощенный годами изоляции и ядовитым гулом машин иномирцев.

— Они не просто ищут его, — прошептала я, оборачиваясь к Калану. — Они убивают его. И если он умрет, дорога к Мэриэлю закроется навсегда.

Нам нужно было не просто открыть портал. Нам нужно было спасти сам Алтарь. И времени оставалось катастрофически мало.

Тишина в пещере после падения иномирца была оглушительной. Лишь ровный, ненавистный гул буровой установки напоминал, что враг рядом и время работает против нас.

Я стояла, прижав ладонь к пульсирующему черному камню Алтаря. Эхо видения все еще горело в моем сознании: угасающий мир, заслоненный гигантской тенью, и слабеющий свет этого самого Алтаря, пытающегося удержать тьму.

— Что он тебе показал? — тихо спросил Калан, подходя ближе. Его взгляд скользнул по бездыханному телу в белом костюме, и он содрогнулся.

— Он умирает, — выдохнула я, отрывая руку от камня. Свечение линий тут же потускнело. — Их машины... они не просто роют. Они высасывают из него силу. Как тот кристалл у Верды. Они обезвоживают саму реальность вокруг него.

Я обернулась, окидывая взглядом пещеру. Мое восприятие, обостренное медальоном, улавливало теперь тонкие энергетические потоки. От Алтаря, как от раненого сердца, расходились слабые нити света, связывающие его со стенами, покрытыми фресками. А с той стороны, от буровой установки, ползла липкая, серая паутина, которая эти нити обрывала и гасила.

— Нам нужно остановить их буровую, — сказала я, уже видя решение. Оно было рискованным, почти безумным. — Не снаружи. Изнутри.

Калан уставился на меня как на сумасшедшую.

— Ты предлагаешь пролезть через эту штуку? — он ткнул пальцем в бледную трубу, из которой все еще доносился скрежет. — Это самоубийство! Мы не знаем, что там!

— Мы знаем, что если мы этого не сделаем, Алтарь умрет, — парировала я, подходя к установке. — А с ним умрет и последний шанс Мэриэля. И, возможно, наш тоже. Эта «паутина» не остановится на нем.

Я заглянула в отверстие. Внутри виднелся узкий, скользкий туннель, освещенный бледным светом. Он уходил вверх, по направлению к источнику гула.

— Это не шахта, — поняла я. — Это что-то вроде... питающего кабеля. Он качает энергию из Алтаря наверх, в свою машину.

Моргус, до этого молча наблюдавший, подошел ближе и потерся головой о мое плечо.

«Слишком узко. Я не пролезу», — прозвучала в голове его мысль, полная разочарования и тревоги.

— Тебе и не нужно, — я погладила его шею. — Твоя задача — охранять Калана и этот выход. Если что-то пойдет не так... если оттуда повалят они... — я посмотрела на Драгара, — вы должны будете обрушить этот проход. Понятно?

Калан хотел было возразить, но сжал губы и кивнул. Он понимал. Иногда единственный способ остановить заразу — это отрезать зараженную конечность.

— Вернись живой, южанка, — пробормотал он. — Иначе тетушка Касия сошлет меня чистить загоны до скончания веков.

Я не стала отвечать. Сделав глубокий вдох, я втянулась в узкое отверстие.

Внутри было тесно и скользко. Стены были холодными и гладкими, как стекло. Я двигалась, отталкиваясь локтями и коленями, как червь, чувствуя, как мертвящая пустота обволакивает меня со всех сторон. Гул становился все громче, превращаясь в оглушительный рев. Свет впереди стал ярче.

Через несколько минут ползучей агонии туннель закончился. Я оказалась в небольшой металлической камере, заполненной мерцающими панелями и пучками светящихся волокон. В центре камеры пульсировал огромный кристалл — точь-в-точь как тот, что я видела у Верды, но в десятки раз больше. И он был не холодным и мертвым, а ярким, почти слепящим. Он был наполнен силой, выкачанной из Алтаря.

Это был сердцевинный накопитель их буровой установки.

И он же был ее самым уязвимым местом.

Я выпрямилась во весь рост, оглядывая камеру. Мне не нужны были их технологии. Мне нужно было создать помеху. Максимально возможную.

Я прикоснулась к ближайшей панели. Холодная пустота обожгла пальцы. Я сосредоточилась, отсекая дискомфорт. Я искала не магию, не силу Хаоса. Я искала то, что всегда было со мной — ту самую «песнь», способность к резонансу.

Я начала петь.

Тихо, сначала. Не голосом, а всем своим существом. Я посылала в холодный металл вокруг не разрушение, а... жизнь. Я посылала ему образ горячего песка Генэ, вкус воды из родника после долгой жажды, запах полыни в степи, яростную преданность Моргуса, упрямую честность Калана. Я посылала ему все то, что делало этот мир живым, непокорным, неподконтрольным.

И их стерильная технология начала сходиться с ума.

Панели вокруг меня затрещали. Светящиеся волокна вспыхивали и гасли. Гул превратился в надрывный визг. Центральный кристалл замигал, его ровный свет сменился хаотичными вспышками.

Сирена. Где-то надрывно завывала сирена.

Я не останавливалась. Я вкладывала в свой беззвучный крик всю боль Алтаря, всю ярость за свой мир, всю тоску по дому, который я никогда не знала.

Стекло панели передо мной треснуло. Искры посыпались на пол. Кристалл погас на секунду, затем вспыхнул с ослепительной, невыносимой яркостью.

Пора было уходить.

Я ринулась обратно в туннель, едва успев нырнуть в него, как сзади раздался оглушительный хлопок, и волна горячего воздуха ударила мне в спину. Я ползла, не разбирая дороги, чувствуя, как вся конструкция вокруг содрогается.

Вывалившись обратно в пещеру, я рухнула на каменный пол. Калан и Моргус были уже рядом.

— Что ты сделала? — крикнул Калан, перекрывая нарастающий грохот.

— Дала им послушать нашу музыку! — крикнула я в ответ, поднимаясь.

Гул снаружи прекратился, сменившись хаотичными взрывами и криками. Бледный свет из буровой трубы погас.

Я подбежала к Алтарю. Линии на нем снова пульсировали ровным, уверенным светом. Серая «паутина» вокруг исчезла. Он снова дышал.

Я положила на него руку, и на этот раз в ответ хлынул не образ гибели, а чистый, мощный поток информации. Координаты. Временные интервалы. Схема. Дорога домой была здесь. Она была жива.

— Мы сделали это, — прошептала я.

— Ненадолго, — мрачно заметил Калан, глядя на трубу. — Они опомнятся и придут сюда с еще большими силами. Нам нужно уходить. Сейчас же.

Он был прав. Мы выиграли битву, но не войну. Но теперь у меня был ключ. Настоящий ключ. И я знала, что делать дальше.

Глава 3

Грохот и хаос, доносившиеся с поверхности, были лучшей музыкой, что я слышала за долгое время. Лагерь иномирцев горел, охваченный паникой, которую я сама и посеяла. Но Калан был прав — наша победа была временной.

— Должен быть другой выход, — сказал я, окидывая взглядом пещеру. — Они бы не полагались только на одну точку входа.

Мое обостренное восприятие, все еще настроенное на резонанс с Алтарем, уловило слабый энергетический след. Он вел вглубь пещеры, за стену с фресками, изображавшими спираль разворачивающейся галактики.

— Здесь, — я подошла к стене и прижала к ней ладонь. Камень был теплым и отзывался едва заметной вибрацией. — Это не просто рисунок.

Я сосредоточилась, посылая в стену тот же сигнал, что и в Алтарь — чистую, незамутненную ноту Мэриэля, усиленную моей собственной волей. Камень под моей рукой дрогнул, и часть фрески бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий проход.

— Великая Мать... — снова прошептал Калан, глядя на скрытую дверь. — Наши легенды и на десятую долю не рассказывали о таком.

— Идем, — я шагнула в проход, не оглядываясь.

Тоннель за дверью был коротким и вывел нас на другой склон холма, в нескольких сотнях метров от лагеря иномирцев. Ночной воздух был свеж и чист, без привкуса выхлопов и гулкой пустоты. Мы оказались в небольшом ущелье, полностью скрытом от посторонних глаз.

Моргус, почуяв нас, бесшумно спланировал сверху и сел рядом, испытующе тычась клювом в мою руку.

«Шум прекратился. Они бегут, как испуганные травоядные», — доложил он, и в его мысленном голосе слышалось удовлетворение.

— Их машины уничтожены, — сказала я Калану, переводя слова Моргуса. — Но они еще не все ушли. И они вернутся.

Калан мрачно кивнул, глядя в сторону зарева над своим хребтом.

— Клан Сокола должен знать об этом. Мы должны предупредить остальных. Если они посвятят все свои силы на поиски этого места...

— Они найдут его, — закончила я за него. — Сейчас их сдерживает хаос, но они не отступят. Им нужна сила Алтаря. Им нужна я.

Мы стояли в тишине, и тяжесть следующего решения давила на плечи. У меня наконец-то был ключ, карта к моей цели. Но я не могла просто уйти, зная, что оставляю за собой горящую землю и людей, которые помогли мне.

— Калан, — я повернулась к нему. — Ты должен вернуться к своему клану. Предупредить их. Скажи Касии... скажи, что я благодарна. И что я не забуду долг.

Он смотрел на меня, и в его глазах бушевала внутренняя борьба. Долг перед кланом против чего-то еще, что зародилось за эти дни совместного пути.

— А ты? — спросил он наконец. — Куда ты пойдешь?

Я достала медальон. В свете лун он отливал мягким серебром.

У меня есть карта. И есть долг, который важнее. Я должна добраться до Сердца Мэриэля. Только объединив силы наших миров, мы сможем дать отпор Пустоте. Иначе они просто будут приходить снова и снова, пока не сотрут в порошок и твои степи, и мои пустыни, и все, что между ними.

Калан молчал, его взгляд скользнул по медальону, по моему лицу, по могучему Моргусу.

— Этот путь... он ведет через Раздорные земли. Там сейчас нет закона, кроме закона клинка. Ты не пройдешь одна.

— Я не одна, — я улыбнулась, положив руку на спину Моргуса.

— Это не то, что я имел в виду, — он покачал головой и внезапно решительно выпрямился. — Ладно. Слушай, южанка. Клан должен быть предупрежден. Но старейшины и без меня справятся. А вот проводить тебя через Раздорные земли... это как раз работа для того, кто знает каждую тропу и каждую подлую душу в тех краях.

Я смотрела на него, не веря своим ушам.

— Ты... хочешь идти со мной? Но твой клан... твоя обязанность...

— Моя обязанность — защищать свою землю, — перебил он меня. — А сейчас самая большая угроза для нее — это Белые Демоны. И если ты говоришь, что можешь остановить их раз и навсегда... — он пожал плечами, стараясь выглядеть безразличным, но у него это плохо получалось. — Значит, мой долг — помочь тебе. Хотя бы дойти до границ Драгарии. Дальше... посмотрим.

В его словах была не только прагматичная логика воина. Было что-то еще. Любопытство. Азарт. И, возможно, рождающееся доверие.

Я снова взглянула на зарево над хребтом, затем на решительное лицо Калана. Его помощь была бы бесценна. А его упрямство и умение выживать в степи уже не раз спасали нас.

— Как скажешь, проводник, — я кивнула, и на моих губах снова появилась улыбка. — Но учти, платить я тебе буду только удачными стычками с врагами и отличными историями для твоих будущих внуков.

Он фыркнул, но в уголках его глаз собрались лучики смешинок.

— Это пока что самый скверный вид оплаты из всех, что я слышал. Ладно. Значит, нам на юго-восток. К Перевалу Двух Лун. — Он посмотрел на небо, оценивая время. — Сейчас самое темное время. Пройдем часть пути, пока они там свои раны зализывают.

Он свистнул, и его конь, спрятанный среди скал, послушно подошел. Я взобралась на Моргуса.

Мы двинулись в путь, я на грифоне, он на своем выносливом скакуне. Позади оставался горящий лагерь, спасенный, но все еще уязвимый Алтарь и часть моей старой жизни. Впереди лежали неизвестные земли, смертельные опасности и призрачная надежда на спасение двух миров.

Но впервые за долгое время я шла не одна. И в этом было больше силы, чем во всей магии Мэриэля и Тартоса, вместе взятых.

Путь на юго-восток был долгим и однообразным. Сухая степь постепенно сменялась каменистыми предгорьями, а затем и вовсе перешла в выжженные солнцем пустоши. Это были уже не владения клана Сокола. Калан называл эти земли «Преддверием Раздора».

— Здесь заканчиваются законы кланов, — пояснил он, когда мы сделали привал у одинокого высохшего родника. — Дальше — власть сильного. Беглые рабы, банды перевертышей-изгоев, охотники за головами. И все, кому не нашлось места в «цивилизованном» мире.

Он говорил это без осуждения, с долей мрачной иронии. Я смотрела на него с новым интересом. За дни пути его вечное недовольство куда-то испарилось, сменившись сосредоточенной бдительностью. Он был как старый степной волк, молчаливый, эффективный и смертельно опасный, когда того требовала ситуация.

Мы двигались преимущественно ночью, а днем отсиживались в пещерах или глубоких оврагах. Калан знал каждый такой укрытый уголок. Однажды он спас нас от встречи с бандой кочевников-грабителей, вовремя заметив свежие следы и свернув в, казалось бы, непроходимое ущелье.

Моргус стал нашим глазами с высоты. Его зрение позволяло за километры разглядеть пыль от каравана или отряд всадников. Мы выработали свою систему сигналов — он описывал в небе определенные круги, если видел опасность, и мы немедленно меняли маршрут.

Шли дни. Пейзаж становился все более пустынным и безжизненным. Даже энергетический след, который я чувствовала через медальон, стал слабее, будто приглушенный толщей безразличного камня.

Как-то раз мы наткнулись на следы недавнего сражения — разбросанные стрелы, пятна засохшей крови, обрывки одежды. Среди обломков я заметила обгоревший осколок белого полимера — часть брони иномирца.

— Они уже и здесь, — мрачно констатировал Калан, пиная осколок ногой. — И, судя по всему, не все им рады.

— Кто бы здесь ни сражался с ними, он дал им достойный отпор, — заметила я, осматривая место боя. Следы были хаотичными, но в них читалась ярость и отчаяние.

— Возможно. Но вряд ли они выжили, — Калан указал на широкий кровавый след, уходящий в сторону барханов. — Иномирцы своих не бросают. А чужих — не щадят.

Мы двинулись дальше, и вскоре Моргус прислал тревожный сигнал. Впереди, в небольшой долине, он заметил дымок. Не от костра — густой, черный, пахнувший горелой пластмассой и озоном.

Мы осторожно подобрались к краю долины и замерли. Внизу догорал разбитый транспорт иномирцев — нечто среднее между летательным аппаратом и наземным вездеходом. Вокруг валялись несколько тел в белых костюмах. И одно другое — крупное, покрытое бурой шерстью, с головой, напоминающей гиену. Перевертыш.

— Смотри, — тихо сказал Калан, указывая на фигуру, сидевшую на корточках рядом с телом перевертыша.

Это был человек. Вернее, подросток. Лет пятнадцати, не больше. Одежда его была изорвана в клочья, лицо залито кровью и сажей. Он сидел, беззвучно раскачиваясь, и гладил мохнатую лапу погибшего.

— Эй, парень! — крикнул Калан, спускаясь в долину.

Подросток резко поднял голову. Его глаза были пустыми, в них не осталось ни страха, ни ярости — лишь всепоглощающее горе. Увидев нас, он инстинктивно рванулся к сломанному копы, валявшемуся рядом.

— Не бойся, — сказала я, подходя медленнее Калана и показывая пустые ладони. — Мы не твои враги.

— Они... они убили отца... — прохрипел парень, и его голос сорвался на детский всхлип. — Пришли с неба... хотели забрать меня... отец... он их задержал...

Я подошла ближе и опустилась на колени рядом с ним, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Калана.

— Как тебя зовут? — спросила я мягко.

— Тарик, — прошептал он, сжимая в кулаке клочок шерсти отца.

— Тарик, — я положила руку ему на плечо. Он вздрогнул, но не оттолкнул. — Твой отец умер как герой. Он защищал тебя. А теперь нам нужно уходить отсюда. Другие могут прийти.

— Мне некуда идти, — он безнадежно посмотрел на меня. — Наш клан... они изгнали нас, когда отец... изменился. Мы были одни.

Я встретилась взглядом с Каланом. Он понимающе сжал губы. Взять с собой ребенка-перевертыша в Преддверие Раздора — все равно что привязать к ноге гирю. Но оставить его здесь — значило обречь на верную смерть.

— У тебя есть сила, Тарик, — сказала я, глядя ему в глаза. — Твой отец научил тебя сражаться, я вижу. Ты только что пережил бой с иномирцами и выжил. Это о многом говорит.

Он вытер лицо грязным рукавом, и в его взгляде появилась искорка чего-то, кроме отчаяния.

— Они хотели забрать меня, — повторил он. — Говорили... «образец». «Аномалия».

Ледяные пальцы сжали мое сердце. Они охотились не только на меня. Они собирали всех, кто был «другим». Всех, чья сила не вписывалась в их стерильную картину мира.

— Они охотятся и на меня, Тарик, — призналась я. — По той же причине. И мы идем туда, где, возможно, сможем найти способ остановить их. Навсегда. Хочешь идти с нами?

Калан застонал, закатив глаза.

— Прекрасно. Теперь у нас в отряде есть ребенок–оборотень. Куда уж лучше.

Тарик посмотрел на меня, потом на Калана, на могучую фигуру Моргуса, спускавшегося в долину. В его глазах загорелся огонек решимости, смешанный с жадой мести.

— Я пойду с вами, — твердо сказал он. — И я буду сражаться. За отца.

Я кивнула и помогла ему подняться. Наш маленький отряд пополнился. Теперь нас было трое. Дева–изгойница, Драгар–проводник, юный перевертыш и грифон. Мы шли навстречу опасностям Раздорных земель, и у каждого из нас был свой счет к иномирцам. И это делало нас сильнее.

Глава 4

Следующие несколько дней наш маленький караван двигался в гнетущем молчании. Тарик почти не разговаривал, погруженный в свое горе. Он шел сзади, его плечи были ссутулены, а взгляд устремлен в пыль под ногами. Лишь изредка он поднимал голову, и в его желтых, как у гиены, глазах вспыхивал огонек ярости, когда он смотрел на горизонт.

Калан относился к нему с подчеркнутой холодностью, но я заметила, как он незаметно подкладывает парню лучшие куски вяленого мяса и всегда выбирает для стоянки места, укрытые от ветра. Его воинская прагматичность не позволяла ему открыто проявлять заботу, но и бросить раненого щенка на произвол судьбы он не мог.

Я же чувствовала Тарика по-другому. Его боль была знакомой, почти родной. Это была боль изгнания, боль от потери единственного близкого существа. Иногда по ночам, когда он ворочался у костра, издавая тихие, похожие на скулеж звуки, я подходила и садилась рядом, не говоря ни слова. Просто сидела, делясь с ним тишиной и своим присутствием. Слова были бы лишними.

Однажды вечером, когда мы уже подбирались к предгорьям, откуда начинались собственно Раздорные земли, Тарик наконец заговорил.

— Они пришли ночью, — прошептал он, глядя на пламя нашего крошечного, почти бездымного костра. — Без звука. Отец почуял их первым. Он сказал... сказал, что от них пахнет мертвой сталью и пустотой. Он толкнул меня в укрытие и вышел навстречу.

Он сжал кулаки, и его когти на полусогнутых пальцах блеснули в огне. — Я слышал, как он рычал. Слышал их голоса... такие спокойные, безразличные. Потом взрывы. А потом... тишина. Когда я выбрался, он уже лежал... а они подходили ко мне.

— Ты выжил, — тихо сказала я. — Это главное. Теперь твоя жизнь — это его наследие.

— Я хочу сделать их такими же безмолвными, каким стал он, — в голосе Тарика зазвучал тот самый, дикий металл, что бывает в голосе загнанного, но не сломленного зверя.

— Месть — плохой попутчик, парень, — неожиданно в разговор вступил Калан, не отрываясь от чистки своего лука. — Она ослепляет. А в этих землях слепой долго не живет. Ты хочешь убивать — учись видеть. Сначала цель, потом — все вокруг. Иначе следующий труп в песке будешь ты.

Тарик промолчал, но я видела, как он обдумывает слова Драгара.

На следующее утро мы достигли Перевала Двух Лун — гигантской расщелины в скальной гряде, отделявшей Преддверие от настоящего Раздора. Стоя на краю и глядя вниз, на хаос острых скал и глубоких каньонов, я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Отсюда начиналась настоящая неизвестность.

— Дальше идем только ночью, — объявил Калан, с мрачным видом оглядывая окрестности. — Днем здесь слишком много глаз. И слишком много стрел.

Мы начали спуск. Тропа была узкой и опасной, петляющей между обрывами. Моргус был вынужден лететь высоко над нами, чтобы его тень не выдала наше присутствие.

Мы шли несколько часов, когда Тарик, шедший позади меня, внезапно замер и насторожился, как охотничий пес.

— Чужие, — прошептал он, его ноздри расширились, улавливая невидимый нам запах. — Много. Пахнут... гнилым мясом и дымом.

Калан мгновенно погасил свой факел, и мы прижались к скале. Из темноты впереди донеслись голоса — хриплые, пьяные смешки и грубые ругательства. Вскоре мы увидели и их самих — отряд из восьми человек. Впереди шли двое перевертышей с головами шакалов, за ними люди в рваной, запачканной кровью одежде. Они тащили с собой несколько связанных пленников.

— Налетчики, — беззвучно прошептал Калан. — Обычный сброд. Но опасный.

Мы могли бы отсидеться и пропустить их. Но один из пленников, женщина, подняла голову, и лунный свет упал на ее лицо. И на ее щеке я увидела слабо светящийся серебристый узор. Легат. Но не в форме, а в простой дорожной одежде, теперь изорванной в клочья.

— Легат... — выдохнул Тарик, и в его голосе прозвучала ненависть.

— Не наш легат, — тихо сказала я, пристально всматриваясь. Ее узоры были другого оттенка, не такие, как у легатов Империи. Более холодные, почти голубоватые. — Смотри.

В этот момент один из шакалоголовых грубо толкнул женщину. Она споткнулась, но не упала, подняв на обидчика взгляд, полненный такого холодного презрения, что по мне пробежали мурашки.

— Уильям, не надо портить товар, — лениво сказал один из людей, по виду — главарь. — На рынке в Ущелье Ползучей Смерти за нее дадут хорошие деньги. Магия легатов всегда в цене.

— Я не легат вашей жалкой Империи, — четко и громко произнесла женщина. Ее голос был низким и мелодичным, с легким акцентом. — И вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что сможете меня продать.

Главарь рассмеялся.

— Милая, здесь, в Раздоре, нет ни Империи, ни легатов. Есть сила. И она сейчас на нашей стороне.

Ситуация была хуже некуда. Нас было трое против восьми. И моральный выбор оказался сложным. С одной стороны легат, по определению наш потенциальный враг. С другой, банда работоторговцев. И явная несправедливость.

Я посмотрела на Калана. Он смотрел на бандитов с таким же холодным расчетом, оценивая их вооружение и расстановку.

— Глупость, — пробормотал он. — Но, если мы не вмешаемся, они укрепятся, продав ее. И станут еще опаснее.

Я встретила взглядом с Тариком. В его глазах горел ответ, он был готов к бою. Месть за отца и ярость против несправедливости слились воедино.

Принятие решения заняло у меня меньше секунды. Я не была легатом Империи. Я была Араш. А Араш не могла пройти мимо.

— Калан, займи лучшую позицию, — тихо скомандовала я. — Тарик, как только начнется хаос, режь веревки пленникам. Я займусь главарем и шакалами.

Они кивнули. Калан бесшумно растворился в темноте, чтобы забраться на уступ повыше. Тарик присел, готовясь к броску.

Я вынула «Тихий Шепот» и «Отзвук». Их лезвия не издали ни звука, появляясь в моих руках. Я сделала глубокий вдох и шагнула из тени на лунную дорожку.

— Эй, ублюдки, — сказала я громко и четко. — Кажется, вы нашли не тот «товар».

Все восемь пар глаз уставились на меня. Наступила тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в скалах.

Наступила та самая, звенящая тишина, что бывает перед бурей. Все восемь пар глаз бандитов уставились на меня с смесью удивления, злобной радости и алчности. Женщина-легат с холодными узорами смотрела на меня с безмолвным, изучающим интересом.

— Ого! — прохрипел главарь, толстый детина с шрамом через глаз. — Ночная бабочка сама прилетела в пасть! Смотрите, ребята, какая шустрая!

Его люди заулюлюкали, по-волчьи скаля зубы. Шакалоголовые щелкнули клыками.

— Я предлагаю вам развязать пленных и уйти, — сказала я, все еще стоя на месте. Мои клинки были опущены, но каждый мускул моего тела был готов к взрыву. — Пока у вас есть такая возможность.

— Слышал, парни? — главарь расхохотался. — У нас есть возможность! А ну, хватай ее!

Двое бандитов с криком бросились на меня, размахивая зазубренными тесаками. Они были медленными, неуклюжими, их движения предсказуемыми. Я даже не сдвинулась с места. «Тихий Шепот» описал короткую дугу, и лезвие одного тесака с звоном отлетело в сторону. «Отзвук» парировал удар второго, а моя нога со всей силой врезалась ему в колено. Раздался тошнотворный хруст, и он с воем рухнул.

В тот же миг с уступа над тропой тихо свистнула стрела Калана. Она вонзилась в плечо одного из шакалоголовых. Тот взревел от боли и ярости.

— Стрелок! На скале! — заорал главарь.

Хаос, которого я и добивалась, начался.

Пока бандиты в панике искали глазами невидимого лучника, я ринулась вперед. Моей целью был главарь. Он был самым опасным. Он выхватил тяжелый двуручный меч, но я была уже рядом. Я не стала с ним фехтовать. Я проскользнула под его неуклюжий замах, «Тихий Шепот» блеснул, и сухожилие на его запястье было перерезано. Он завопил, роняя меч.

В это время Тарик, воспользовавшись суматохой, метнулся к пленникам. Его когти, острые как бритвы, разрезали веревки на руках женщины-легата и других пленных за долю секунды. Один из бандитов попытался его остановить, но Тарик с рыком вцепился ему в горло, и через мгновение тот захрипел, захлебываясь собственной кровью.

— Вяжите их! — крикнула я, отскакивая от очередного нападающего. — Живыми!

Но бандиты, оставшиеся на ногах, уже поняли, что проигрывают. Увидев, что их главарь истекает кровью, а из темноты продолжают лететь смертоносные стрелы, они бросились враспынную.

Все произошло так быстро, что казалось сном. Через несколько минут на тропе лежали трое мертвых бандитов, включая того, с кем расправился Тарик. Главарь и еще двое, раненые, были обезоружены и связаны их же веревками. Четверо сбежали.

Я стояла, переводя дыхание, и смотрела на женщину-легата. Она уже была на ногах, ее поза была прямой и уверенной, несмотря на ссадины и рваную одежду. Ее холодные голубые глаза изучали меня с тем же безмолвным интересом.

— Благодарю за вмешательство, — сказала она. Ее голос был ровным, без тени подобострастия или страха. — Хотя, должен заметить, ваш метод... несколько прямолинеен.

— Он сработал, — парировала я, убирая клинки.

В этот момент Калан спустился с уступа, его лук был все еще наготове.

— Глупость, — повторил он свое любимое слово, окидывая взглядом поле боя. — Теперь о нас узнают.

— Они и так узнали бы, когда продали ее тому, кто заплатит, — ответила я. — Как вас зовут?

— Лораэль, — ответила женщина. — Из Храма Безмолвного Камня.

Вот черт. Из всех легатов, каких можно было встретить в этой глуши... Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Храм Безмолвного Камня. Амон.

— Вы не похожи на типичного обитателя этих мест, — продолжила Лораэль, ее взгляд скользнул по моему лицу, скрытому личиной, по моей практичной, но не бедной одежде, и остановился на Калане и Тарике. — И ваша свита... весьма необычна.

— Мы просто путешественники, — уклончиво сказала я. — А вы? Что Мастер Храма Безмолвного Камня делает в Раздоре в одиночку и без отряда?

Лораэль на мгновение замолчала, и в ее глазах мелькнула тень.

— Я выполняла поручение Мастера Амона. Поиск... определенных артефактов. Мой отряд был уничтожен теми, с кем вы только что сражались. Они устроили засаду.

Мастер Амон. Поиск артефактов. Все сходилось. Он не сидел сложа руки в столице. Он рыскал по миру в поисках того же, что и я? Или чего-то другого?

— Вам нужен проводник, — неожиданно сказал Калан, обращаясь к Лораэль. Его голос был грубым, но в нем не было враждебности. — Одной вам здесь не выжить. Особенно с такими... украшениями. — Он кивнул на ее светящиеся узоры.

Лораэль посмотрела на него, потом на меня.

— Вы предлагаете мне присоединиться к вам?

Я обменялась взглядом с Каланом. Он едва заметно пожал плечами. Риск? Да. Но Мастер Храма Безмолвного Камня, да еще и с миссией от Амона... она могла быть источником бесценной информации. Или смертельной угрозой.

— Мы идем на восток, — сказала я, принимая решение. — Через Раздорные земли. Вы можете идти с нами, пока наш путь совпадает. Но учтите... — я посмотрела ей прямо в глаза, — у нас свои цели. И мы никому не доверяем слепо.

Лораэль слабо улыбнулась. Это была первая эмоция, которую я увидела на ее лице.

— Честное предупреждение. Я принимаю ваши условия. Доверие нужно заслужить.

Наш отряд снова вырос. Теперь нас было четверо. И впереди лежали самые опасные земли Тартоса, где каждый шаг мог стать последним, а каждый новый союзник — оказаться врагом. Но я чувствовала — мы приближались к чему-то важному. И Лораэль, со своими тайнами, могла быть ключом.

Глава 5

Мы шли в напряженном молчании еще несколько часов, пока не нашли подходящее для дневного отдыха укрытие — неглубокую пещеру, скрытую завесой колючего кустарника. Калан, не говоря ни слова, растворился в предзакатных сумерках, чтобы замести следы и проверить окрестности. Тарик, все еще возбужденный недавней схваткой, устроился у входа, его звериные чувства были настороже.

Я и Лораэль остались в пещере. Она сидела у стены, ее поза была по-прежнему безупречно прямой, даже несмотря на усталость. Я сняла амулет-личину, в этой глуши скрываться было бессмысленно, и достала из походного мешка воду и немного еды.

— Вот, — я протянула ей воду и лепешку.

— Благодарю, — она приняла питье, и ее пальцы на мгновение коснулись моих. Взгляд ее упал на мое лицо, и я увидела в ее глазах легкое удивление. Вероятно, она ожидала увидеть, что-то более... чудовищное, после моих боевых навыков и скрытности.

— Ты не похожа на бандита с Большой Дороги, — заметила она, отламывая кусок лепешки.

— А ты не похожа на ту, которая позволила бы себя так легко захватить, — парировала я, усевшись напротив.

На ее губах снова мелькнула слабая, почти невидимая улыбка.

— Засада была хорошо подготовлена. Они использовали артефакт, подавляющий магию. На несколько критических секунд мои узоры погасли. Этого хватило.

Артефакт, подавляющий магию. Технология иномирцев. Или нечто, созданное по их подобию? Вопрос висел в воздухе, но я не стала его задавать. Вместо этого я указала на ее узоры.

— Они другого цвета. Не такие, как у легатов Империи.

— Да, — она кивнула. — Наша связь с Хаосом... иная. Более сфокусированная. Менее разрушительная. Храм Безмолвного Камня всегда предпочитал точность грубой силе.

— И что же ищет в этих землях Храм, предпочитающий точность? — спросила я, наконец переходя к сути.

Лораэль отпила воды, ее взгляд стал отстраненным.

— Разломы, — тихо сказала она. — Стабильные и нестабильные точки перехода. Мастер Амон полагает, что нынешняя... нестабильность... в мире связана с нарушением баланса в самой ткани реальности.

Сердце у меня заколотилось чаще. Она говорила почти теми же словами, что и Верда.

— И он послал тебя одну? Без поддержки?

— Мой отряд был больше, — в ее голосе прозвучала сталь. — Мы наткнулись на нечто... чужеродное. Не людей. Существа из плоти и металла. Они атаковали без предупреждения. Мы убили двоих, но остальные... — она сжала кулак, — они применили то же оружие, что и те бандиты. Подавили нашу магию и рассеяли нас. Я отбивалась, пока не наткнулась на эту банду.

Гибриды. Иномирцы использовали своих уродливых солдат и здесь. И они были явно заинтересованы в том, чтобы никто не совал нос в их дела.

— Эти существа... — я выбрала слова с осторожностью, — они охотятся на тех, кто обладает силой. На легатов. На таких, как мы.

Лораэль пристально посмотрела на меня.

— Ты знаешь о них.

— Мы сталкивались, — коротко кивнула я.

— «Мы»? — она подняла бровь.

— Я и мои спутники.

В этот момент в пещеру вернулся Калан. Он бросил на нас колючий взгляд.

— Никого. Пока. Но по степи идет пыль. Большой караван. Лучше не попадаться им на глаза.

— Караван? — насторожилась Лораэль. — В этих землях?

— Не торговый, — мрачно сказал Калан. — Повозки закрытые, охрана — головорезы с Большой Дороги. Двигутся на восток. К Ущелью Ползучей Смерти.

— Работоторговцы, — прошептал Тарик снаружи, и в его голосе зазвучал звериный рык.

— Или что-то похуже, — я посмотрела на Лораэль. — Ты сказала, бандиты собирались продать тебя на рынке в Ущелье. Этот караван может быть частью той же сети.

— Рынок, где торгуют легатами... — Лораэль медленно поднялась на ноги, и в ее глазах зажегся холодный огонь. — Этого нельзя допустить.

— Согласен, — неожиданно сказал Калан. Все взгляды устремились на него. — Рынок — это гнездо. Если его разворошить, мы привлечем к себе много внимания. Плохого. Но... — он посмотрел на меня, — если там правда торгуют нашими силами, это может быть связано с твоими «друзьями», южанка. С теми, кто охотится на сильных.

Он был прав. Иномирцы могли использовать эту преступную сеть для сбора «образцов». Это была слишком большая цель, чтобы ее игнорировать.

— Нам нужно туда, — сказала я, и это прозвучало как приговор. — Мы не можем пройти мимо.

— Это ловушка, — покачала головой Лораэль, но в ее голосе не было протеста, лишь констатация факта. — Они будут ждать тех, кто попытается вмешаться.

— Тогда мы не будем вмешиваться, — я улыбнулась, и в моей улыбке не было ничего веселого. — Мы будем наблюдать. И ждать своего часа. Если они везут «товар» на рынок, значит, у них есть покупатель. Мне очень интересно, кто это.

Я посмотрела на своих спутников. Калан с мрачным одобрением кивнул. Тарик сжал кулаки, его когти впились в ладони. Лораэль смотрела на меня с новым, уважительным интересом.

— Хорошо, — сказала она. — Я с вами. Но нам нужен план. И маскировка.

— Маскировка у нас есть, — я снова надела амулет-личину, и мои черты поплыли, становясь безличными и непримечательными. — А план... он родится по дороге. Сначала — разведка.

Мы снова стали отрядом. Теперь у нас была общая цель. И враг, который оказался гораздо ближе, чем я могла предположить. Ущелье Ползучей Смерти манило нас, как гнилой плод — и в его сердцевине могла скрываться как гибель, так и ключ к победе.

Дорога к Ущелью Ползучей Смерти была устлана страхом и молчанием. Мы двигались теперь только по ночам, скрываясь в светлое время суток в пещерах и расщелинах. Воздух стал густым и тяжелым, с примесью дыма и чего-то сладковато-гнилостного, что щекотало ноздри и вызывало тошноту.

Калан вел нас окольными тропами, известными лишь ему и, возможно, духам этих выжженных земель. Лораэль шла молча, ее взгляд постоянно анализировал окружающую обстановку, а пальцы временами непроизвольно касались скрытых складок одежды, где, я не сомневалась, были спрятаны ее клинки. Даже Тарик притих, его юношеская ярость сменилась сосредоточенной бдительностью зверя, чувствующего близкую опасность.

На третью ночь пути мы достигли гребня, с которого открылся вид на само Ущелье. Оно не было похоже ни на что, виденное мной прежде. Это не было творением природы. Гигантская, зияющая рана на теле земли, обрамленная оплавленными скалами, будто какой-то исполинский палец провел по камню, оставляя за собой пепел и стекло. На дне ущелья клубился

неестественный, изжелта-зеленый туман, и сквозь него проступали очертания приземистых, уродливых построек.

— Ни один кузнец не может так плавить камень, — тихо проговорила Лораэль, и в ее голосе впервые прозвучало нечто, похожее на страх. — Это... не их работа. Это не работа людей вовсе.

— Иномирцы, — выдохнул Калан. Он не спрашивал. Он констатировал. — Они не просто приходят сюда. Они... переделывают это место под себя.

Я чувствовала это кожей. Знакомый, тошнотворный холодок пустоты исходил от самого ущелья, сильный, концентрированный. Но под ним... под ним я чувствовала нечто иное. Слабый, но яростный всплеск чего-то живого, чужого, но не враждебного. Что-то, что боролось.

«Там... внизу... есть жизнь. Не их», — мысль Моргуса была напряженной. «Мало. Слабо. Но держится».

— Нам нужно спуститься, — сказала я, и слова мои повисли в тяжелом воздухе. — Нужно понять, что они там делают.

— Самоубийство, — буркнул Калан, но без обычной своей убежденности. Он тоже понимал — отступить было поздно.

Мы начали спуск по осыпающемуся склону, держась в тени оплавленных скал. Чем ниже мы спускались, тем сильнее становился запах — теперь в нем можно было различить химическую горечь, озон и сладковатый душок разложения. Туман обволакивал нас липкими, холодными прядями.

Ущелье оказалось лабиринтом из грубых, угловатых сооружений, выстроенных из темного, отливающего металлом материала. Повсюду стояли те же бледные башни, что и в лагере в Драгарских степях, монотонно гудящие и высасывающие жизнь из камня. Между ними сновали фигуры в белых костюмах и их гибриды — помеси людей с насекомыми и рептилиями, от которых кровь стыла в жилах.

Мы прятались за углом одного из зданий, когда я увидела его. В центре ущелья, окруженный кольцом вышек, стоял огромный, куполообразный объект. От него во все стороны расходились трубы, по которым пульсировал бледный свет. И к нему, под конвоем гибридов, вели группу пленников. Среди них были и люди в лохмотьях, и пара перевертышей, и... я приоткрыла глаза... существо, похожее на высокого, худого эльфа с серебристой кожей и длинными ушами. Оно шло с гордо поднятой головой, и от него исходил тот самый чужой, но живой резонанс.

— Великая Мать... — прошептал Калан. — Они собирают... всех. Всех, кто не похож.

— Это не рынок, — холодным, ровным голосом сказала Лораэль. Ее лицо было бледным. — Это лаборатория. Скотобойня. Они не собираются их продавать. Они собираются их изучать.

В этот момент двое иномирцев вышли из купола, ведя с собой на цепях огромное, покрытое темной шерстью существо. Оно было похоже на медведя, но с шестью лапами и светящимися красными глазами. Оно рычало, пытаясь вырваться, и от его рыка содрогался воздух. Один из иномирцев поднял устройство, раздался резкий, высокочастотный звук, и существо сжалось в комок боли, издавая жалобный визг.

Я не думала. Я действовала. Мое тело двинулось вперед само по себе, прежде чем разум успел взвесить все «за» и «против».

— Араш, нет! — шипением догнал меня голос Калана.

Но было поздно. Я вышла на открытое пространство, мои клинки были в руках. Я не кричала. Я просто шла к тому месту, где мучили существо, чувствуя, как ярость закипает во мне, горячая и слепая.

Иномирцы повернулись ко мне. Их безликие шлемы были устремлены в мою сторону. Цепное чудище, почуяв возможность, снова зарычало.

Один из иномирцев поднял руку, и из его ладони вырвался сноп белых энергетических нитей. Я отпрыгнула, и они прожгли камень там, где я только что стояла.

— Глупая девочка, — прозвучал у меня за спиной ледяной голос Лораэль. Она стояла рядом, ее собственные, тонкие и острые как иглы клинки, были наготове. — Но, должна признать, эффективный отвлекающий маневр.

Сбоку раздался яростный рык Тарика. Он вцепился в горло одному из гибридов, его когти и клыки рвали плоть и металл.

Калан, целясь, с вершины груды обломков начал методично расстреливать из лука иномирцев, целясь в щели их доспехов.

Хаос, который я невольно спровоцировала, был полным.

Я ринулась к цепному зверю. Один из иномирцев преградил мне путь, его белый клинок с визгом встретился с моим «Тихим Шепотом». Мы сошлись в яростном поединке. Он был быстр и точен, его стиль — бездушный и эффективный. Но я была яростью и болью всего живого, что они пытались осквернить. Я была песком Генэ и ветром Нордхейма. Я была песней Мэриэля.

Мой клинок нашел щель в его защите и вонзился в соединение нагрудной пластины. Он затрепетал и рухнул.

Я подбежала к зверю. Его красные глаза смотрели на меня с дикой, непонимающей надеждой. Я взмахнула «Отзвуком», и стальная цепь, сдерживавшая его, распалась на две части.

— Беги! — крикнула я ему.

Он на мгновение замер, затем издал мощный рев и ринулся прочь, сметая на своем пути двух гибридов.

В этот момент из купола высыпало подкрепление. Десять, пятнадцать, двадцать иномирцев и гибридов. Нас окружили.

Мы встали спиной к спине — я, Лораэль, Тарик и подоспевший Калан. Мы были в кольце. Над нами нависали мертвые стены ущелья, а вокруг сжималось кольцо белых доспехов и уродливых мутантов.

Лораэль метнула на меня быстрый взгляд.

— Есть план отступления?

— Работаю над этим, — сквозь зубы процедила я, готовясь к последней схватке.

И в этот самый момент земля под нами дрогнула. Сначала слабо, затем сильнее. Из-за купола, из той самой трубы, что уходила глубоко под землю, вырвался сноп искр и черного дыма. Гул машин сменился оглушительным ревом, и затем часть стены ущелья обрушилась, погребая под собой несколько построек и группу иномирцев.

Сила, которую я чувствовала, та, что боролась, она не была пассивной. Она только что нанесла ответный удар.

— Бежим! Сейчас! — скомандовал Калан, указывая на образовавшийся в хаосе проход.

Мы ринулись в него, уворачиваясь от лучей и обломков. Позади оставалось адское пекло Ущелья, но я знала — это была не победа. Это было начало. Мы вскрыли гнойник, и теперь яд должен был выйти наружу. Мы увидели истинное лицо врага. И это лицо было ужаснее, чем я могла себе представить.

Глава 6

Мы бежали, не разбирая дороги, под аккомпанемент сирен, взрывов и яростного рева того самого цепного зверя, сеющего хаос в стане врага. Калан, как и обещал, нашел путь для отступления — узкую расщелину в оплавленной скале, почти невидимую снаружи. Мы втиснулись в нее, и через несколько десятков метров она вывела нас в систему подземных пещер, где царила тишина, нарушаемая лишь каплями воды.

Только там, в полной темноте, мы остановились, тяжело дыша. Адреналин отступал, оставляя после себя дрожь в коленях и леденящее осознание того, что мы только что видели.

— Проклятье, — выдохнул Калан, прислоняясь лбом к холодному камню. — Это... это хуже, чем я думал. Это не просто набег. Они строят... колонию.

— Лабораторию, — поправила его Лораэль. Ее голос в темноте звучал удивительно спокойно, но я чувствовала исходящее от нее напряжение, словно от натянутой струны. — Они не просто собирают образцы. Они их... модифицируют. Создают новых существ. Я видела... клетки. — Она сделала паузу, и даже в темноте я почувствовала, как она содрогнулась. — Части тел, соединенные с металлом.

Тарик, сидевший на корточках, издал тихий, похожий на скулеж звук.

— Отец... они бы и его...

— Они бы попробовали, — резко сказала я, опускаясь рядом с ним и кладя руку ему на плечо. Его мышцы были твердыми, как камень. — Но он дал бы им такой бой, что они пожалели бы о своем рождении. Как и ты сегодня.

Он ничего не ответил, но его дыхание стало чуть ровнее.

— Этот взрыв, — Калан выпрямился. — Это не мы. Что это было?

— Сопротивление, — ответила я, вспоминая тот яростный, живой всплеск энергии под толщей пустоты. — Там, внизу, есть кто-то еще. Кто-то, кто борется с ними изнутри.

— И ты хочешь найти их, — без тени удивления констатировала Лораэль.

— Они знают слабости иномирцев. Они знают устройство этой... лаборатории. Они могут быть нашими союзниками.

— Или следующей партией подопытных, которые приведут иномирцев напрямик к нам, — мрачно заметил Калан.

— Риск есть, — не стала спорить я. — Но без них у нас нет шансов. Мы не можем в одиночку штурмовать это место.

Я закрыла глаза, отсекая внешние раздражители. Я снова попыталась нащупать тот самый резонанс. Теперь, вне зоны действия подавляющих вышек, это было проще. Он был слабым, прерывистым, будто его источник был ранен или истощен. Но он был. И он звал. Не словами, а ощущением — упрямой, негибаемой воли к жизни.

— Я могу найти их, — открыв глаза, сказала я. — Они где-то здесь, в этих пещерах.

Мы двинулись вглубь, ориентируясь на мое внутреннее чутье. Пещеры оказались лабиринтом, но Калан, к моему удивлению, чувствовал себя здесь почти как дома. Он шел уверенно, его пальцы скользили по стенам, читая невидимые знаки — следы эрозии, направление потоков воздуха.

— Эти пещеры древние, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Они были здесь задолго до того, как иномирцы опоганили землю над ними. В них течет старая кровь мира.

Мы шли несколько часов, и наконец я ощутила, что источник резонанса близко. Он исходил из-за очередного поворота, из пещеры, из которой доносился слабый свет и приглушенные голоса.

Мы замерли у входа, прислушиваясь. Голоса были странными — гортанными, с шелкающими и шипящими звуками. Я не понимала слов, но в их интонации слышалась усталость, боль и та же самая ярость, что горела в нас.

Я сделала шаг вперед, показывая, что мы не скрываемся. Калан натянул тетиву, Лораэль взяла клинки в боевую стойку. Тарик замер, готовый к прыжку.

Войдя в пещеру, мы увидели их.

Их было человек десять. Но это не были ни люди, ни перевертыши. Один из них был похож на высокого, худого гуманоида с кожей цвета коры дерева и глазами-изумрудами. Другой — на невысокое, коренастое существо с каменной кожей и горящими, как угли, глазами. Третий напоминал женщину с чешуйчатой кожей и перепонками между пальцами. Они сидели вокруг небольшого кристалла, который давал тусклый свет, и при нашем появлении вскочили, хватая свое примитивное, но смертоносное на вид оружие — обсидиановые топоры, костяные копья.

Существо, похожее на древесного гуманоида, сделало шаг вперед. Оно было ранено, его рука была перевязана самодельной повязкой, из-под которой сочилась зеленоватая жидкость. Оно что-то прошипело на своем языке, и его огромные глаза изучали нас с смесью страха и ненависти.

Я медленно подняла руки, показывая, что они пусты.

— Мы не враги, — сказала я на языке Тартоса, не надеясь, что меня поймут.

Существо нахмурилось. Затем оно повернулось к женщине-рептилии и что-то щелкнуло. Та кивнула и вышла вперед. Она посмотрела на меня, и ее зрачки-щелки сузились.

— Вы... не... они, — произнесла она на ломаном, гортанном, но понятном языке Тартоса. — Вы... пришли... сверху? Из... мира-над-пустотой?

Мое сердце екнуло. Они знали.

— Да, — кивнула я. — Мы пришли из мира над вашим. Мы сражаемся с ними. С теми, кто в белых одеждах.

По пещере прошел вздох облегчения. Существа опустили оружие, но не убрали его полностью.

— Я... Зурья, — представилась женщина-рептилия. Она указала на древесного гуманоида. — Это... Талран. Мы... остатки. Осколки... других миров. Они... принесли нас сюда. Для... опытов.

Она говорила с трудом, подбирая слова, но ее сообщение было ясным. Иномирцы выкрали их из их родных миров и привезли сюда, в эту ужасную лабораторию.

— Взрыв, — сказала я. — Это вы?

Талран, древесный гуманоид, кивнул, и в его изумрудных глазах вспыхнула мрачная гордость.

— Мы... нашли... сердце-их-машины. Повредили. Немного. — Он покачал головой. — Многие... погибли.

— Вы очень храбры, — сказала Лораэль, и в ее голосе прозвучало неподдельное уважение.

— Мы... хотим... домой, — просто сказала Зурья. В ее голосе была такая тоска, что у меня сжалось сердце.

Я посмотрела на этих существ — изуродованных, напуганных, но не сломленных. Они были осколками своих миров, как и я. Разница была лишь в том, что их миры, возможно, еще были живы.

— Мы поможем вам, — сказала я, и в моем голосе не было ни тени сомнения. — Мы найдем способ вернуть вас домой. Но для этого мы должны остановить их здесь и сейчас. Вы знаете их слабости. Вы знаете, как устроена их крепость.

Талран и Зурья переглянулись. Затем Талран медленно кивнул.

— Мы... знаем. Мы... покажем. Но... — он посмотрел на меня, и его взгляд стал пронзительным, — вы... не как они. Вы... не как мы. Вы... другая. Кто... ты?

Все взгляды устремились на меня. Калан, Лораэль, Тарик, и теперь эти существа из иных миров. Я сняла амулет-личину. В тусклом свете кристалла мое лицо было открыто.

— Меня зовут Араш, — сказала я. — И я тоже осколок. Осколок мира по имени Мэриэль. И я поклялась положить конец их Пустоте.

В пещере воцарилась тишина. И в этой тишине родился новый, немыслимый союз. Союз изгнанников, готовых сражаться за свои дома и за самую простую вещь на свете — право на жизнь.

Я стояла перед этими странными, прекрасными и искалеченными существами, и мои слова «осколок мира по имени Мэриэль», казалось, все еще вибрировали в воздухе. Я видела, как в глазах Зурьи-рептилии мелькнуло непонимание, а затем и проблеск чего-то древнего, почти инстинктивного узнавания. Талран, древесный гуманоид, наклонил голову, его лишайниковая кожа слегка шевельнулась.

— Мэриэль... — прошепелила Зурья, растягивая слово, будто пробуя его на вкус. — Легенда... Песнь... Мы думали... он умер.

Сердце у меня упало, а затем забилось с новой силой.

— Умер? Что вы знаете?

Талран поднял свою неповрежденную руку, и его длинные, похожие на ветви пальцы описали в воздухе плавную дугу.

— Миры... поют. Каждый... свою песню. Песня Мэриэля... была самой старой. Самой... мудрой. — Он опустил руку, и его плечи поникли. — Потом... пришла Тишина. Песня... смолкла. Мы думали... мир-песня умер.

Иномирцы. Они называли свою пустоту «Тишиной». Это было до жуткого точно.

— Он не умер, — выдохнула я, и в моем голосе зазвучала надежда, острая, как лезвие. — Он спит. Заблокирован. Моя мать... она была оттуда. Она спасла меня. И я должна найти дорогу назад, чтобы разбудить его.

Зурья медленно кивнула, ее змеиные глаза сузились.

— Так это ты... ключ. Они... чувят тебя. Охотятся. Сильнее... чем за нами.

— Вот почему они так активизировались, — тихо сказала Лораэль. Все взгляды обратились к ней. Она стояла, скрестив руки, ее лицо было бледным и сосредоточенным. — Они чувствуют в тебе угрозу не просто как в аномалии, Араш. Они чувствуют в тебе угрозу своему существованию. Ты антитезис их Пустоте. Живое доказательство того, что даже их Тишина не всесильна.

Ее слова, холодные и аналитичные, вдруг придали моей миссии новый, оглушительный вес. Это была не просто личная месть или поиск дома. Это была война на уничтожение. И я была на передовой.

— Тогда нам нужно действовать быстро, — сказал Калан, его практичный ум уже обрабатывал новую информацию. — Пока они не оправились от взрыва и не подтянули подкрепления. Эти... осколки... — он кивнул в сторону Талрана и Зурьи, — они знают лазейки. Мы можем нанести удар.

— Какой удар? — спросил Тарик. Его голос был хриплым. — Мы не можем разрушить всю их базу.

— Нет, — согласилась я. — Но мы можем ударить по сердцу. По тому самому «сердцу-их-машины», которое они пытались повредить. — Я посмотрела на Талрана. — Ты сказал, вы нашли его. Покажешь?

Талран перевел взгляд на Зурью, затем на своих сородичей. Между ними прошел беззвучный разговор, состоящий из взглядов и едва уловимых жестов. Наконец, он кивнул.

— Покажем. Но... путь опасен. Много... стражей. Много... смерти.

— Мы уже видели смерть, — тихо сказала я. — И мы не боимся ее.

Подготовка заняла несколько часов. Мы с Лораэль и Каланом осмотрели и привели в порядок свое оружие. Тарик, к своему удивлению, нашел общий язык с одним из осколков — низкорослым, крепким существом с кожей, напоминающей застывшую лаву, по имени Гронк. Они молча обменивались приемами обращения с оружием, и в глазах Тарика я видела не только ярость, но и растущее уважение.

Тем временем Талран и Зурья нарисовали углем на стене пещеры схему подземных туннелей, ведущих к ядру базы.

— Сердце... здесь, — Талран ткнул длинным пальцем в нарисованный круг в самом центре схемы. — Оно... питает все. Стены... машины... ловушки. — Он провел линию к другому, меньшему кругу. — Здесь... комната управления. Если... разрушить ее... сердце... станет уязвимым.

— Что это за «сердце»? — спросила Лораэль.

— Шар... из света и молний, — прошептала Зурья. — Он... жжет глаза. Голос его... режет разум. Он... не от нашего мира.

Описание было до жуткого знакомым. Звучало как усиленная версия того кристалла, что я уничтожила в буровой установке.

— Как мы доберемся до комнаты управления? — спросил Калан, изучая схему.

Зурья провела по стене извилистую линию, обходящую несколько помещений, отмеченных как «казармы» и «зона содержания». — Этот путь... тихий. Вентиляция. Но... узкий. — Она посмотрела на Калана и Гронка. — Вы... не пролезете.

— Значит, нам нужен отвлекающий маневр, — сказала я. — Шумный и яростный. — Я посмотрела на Калана, Тарика и Гронка. — Вы трое поднимете шум у главного входа в жилой сектор. Привлечете как можно больше внимания.

Калан мрачно усмехнулся. — Люблю ясные задачи.

— Лораэль, Талран, Зурья и я пройдем через вентиляцию к комнате управления, — продолжила я. — Мы выведем из строя защиту, а затем постараемся уничтожить это «сердце».

— А как насчет других пленных? — спросил Тарик. — Тех, кого мы видели?

Я сжала кулаки. Это был самый тяжелый вопрос. — Мы не сможем освободить их всех во время штурма. Это будет хаос, и многие погибнут. Но... если мы уничтожим сердце их власти, мы откроем им путь к бегству. Мы дадим им шанс.

Это было слабым утешением, но другого выхода не было.

Мы дождались, когда по нашим расчетам в лагере иномирцев наступит «ночь» — период пониженной активности. Попрощавшись с другими осколками, которые оставались в пещере как резерв, мы разделились.

Я, Лораэль, Талран и Зурья подкрались к скрытому входу в вентиляционную шахту — он был замаскирован под грудку обломков. Шахта была узкой, пыльной и пропахшей озоном. Мы ползли друг за другом, приглушая дыхание.

Тем временем с другой стороны базы донесся первый взрыв, затем крики и яростный рык. Калан, Тарик и Гронк начали свое представление.

Как и предполагалось, сирены завывали, и мы слышали, как мимо нашего укрытия застучали сапоги — иномирцы и гибриды бежали на звук боя.

Мы ползли быстрее. Наконец Талран остановился и указал вниз, на решетку. За ней была комната, заполненная мерцающими консолями и экранами. Комната управления. И она была почти пуста — лишь два иномирца стояли у главной панели.

Зурья бесшумно сняла решетку. Мы выскользнули в комнату.

Иномирцы повернулись. Они не успели даже поднять оружие. Лораэль была быстрее. Ее клинки, тонкие как иглы, пронзили щели в их броне. Они рухнули без звука.

— Быстро! — скомандовала я.

Талран и Зурья подбежали к консолям. Их пальцы замелькали, нажимая кнопки, поворачивая рычаги. Они не понимали языка иномирцев, но, просидев в плену достаточно долго, они усвоили основы управления.

— Защита... отключается, — прошипела Зурья. — Но... ненадолго. Система... перезагрузится.

На центральном экране я увидела схему базы. Огромный зал в самом центре, где пульсировала энергия «сердца», теперь был подсвечен красным. Защитные поля были отключены.

— Пошли, — сказала я.

Мы выбежали из комнаты управления в коридор, который вел прямо к главному залу. Дверь в него была массивной, из того же бледного металла, но теперь она была безжизненной. Мы толкнули ее, и она с скрипом поддалась.

И мы вошли в самое сердце Пустоты.

Зал был огромным. В центре его, парил в воздухе тот самый «шар из света и молний». Он был размером с небольшой дом, и от него исходил оглушительный гул, выворачивающий разум наизнанку. Свет его был слепым, лишенным тепла, а молнии, бившие от него к стенам, были черными, как сама пустота.

И тут я почувствовала его. Не просто пустоту. Сознание. Древнее, холодное, бесконечно чужое и бесконечно одинокое. Оно было голодным. Оно хотело поглотить все, чтобы заполнить свою вечную, неутолимую пустоту.

И оно заметило нас.

Из самого шара вырвалась черная молния и ринулась в нашу сторону. Мы отпрыгнули, и она прожгла дыру в полу там, где мы только что стояли.

Битва за сердце Пустоты началась.

Глава 7

Гул в зале сменился оглушительным ревом. Черная молния, прожегшая пол, была не просто атакой. Это был крик. Крик голода, ярости и древнего, космического одиночества, которое я ощущала каждой клеткой своего существа. «Сердце» не было машиной. Оно было живым. Живым воплощением Пустоты.

— Рассредоточиться! — крикнула я, но мой голос потонул в реве.

Лораэль метнулась вправо, ее клинки уже в руках, а глаза холодно оценивали ситуацию. Талран и Зурья, движимые инстинктом выживания, отпрыгнули влево, прижимаясь к стенам, покрытым пульсирующими черными жилами.

Из центрального шара вырвалось еще несколько сгустков черной энергии. Они не просто летели прямо — они изгибались в воздухе, как щупальца, пытаясь отрезать нам пути к отступлению. Одна из таких «молний» метнулась к Зурье. Талран, не раздумывая, оттолкнул ее, приняв удар на себя.

Энергия ударила его в грудь. Он не закричал. Он замер, его тело выгнулось в неестественной позе, а изумрудные глаза потемнели, стали матовыми, как потухшие угли. На его коре появились черные, мертвящие трещины.

— Талран! — прошипела Зурья.

Но времени на скорбь не было. «Сердце» породило новых защитников. Из тени за шаром вышли три фигуры. Это не были иномирцы и не гибриды. Они были сделаны из той же черной, мерцающей энергии, что и само Сердце. У них не было лиц, лишь смутные очертания гуманоидов, и в руках они сжимали клинки из чистой тьмы.

Тени. Воплощенная воля Пустоты.

Один из них устремился ко мне. Его движение было неестественно плавным, бесшумным. Я парировала удар его темного клинка «Тихим Шепотом». Вибрация от удара отозвалась болью во всей руке. Это была не просто сталь. Это была сама аннигиляция, облеченная в форму.

Рядом Лораэль сошлась в поединке с другой Тенью. Ее стиль, отточенный и точный, казался почти бесполезным против существа, которое не имело плоти, которую можно было бы поранить. Ее клинки проходили сквозь него, лишь ненадолго разрывая энергию, которая тут же смыкалась.

— Они регенерируют! — крикнула она, отскакивая от очередного удара.

Зурья, оставив тело Талрана, с яростью набросилась на третью Тень. Ее обсидиановый кинжал отскакивал от темной брони существа, не причиняя ему вреда. Она была быстрой и ловкой, но ее ярость делала ее предсказуемой. Тень парировало ее удар и отбросило ее к стене. Она ударилась головой и замерла.

Теперь нас было двое. Против трех Теней и живого Сердца Пустоты, которое продолжало испускать свои губительные разряды.

Мы с Лораэль встали спиной к спине.

— Идеи? — сквозь зубы спросила она, парируя очередной удар.

У меня не было идей. Была только ярость. И отчаяние. И странное, пронзительное понимание этого существа перед нами. Оно не было злым. Оно было пустым. И его пустота стремилась заполнить все вокруг, потому что иного способа существовать оно не знало.

И в этот момент я почувствовала нечто новое. Слабый, но настойчивый зов. Не от медальона. Извне. Через стены, через рев Сердца, до меня донеслась знакомая, яростная песнь. Песнь огня и камня.

И последовал взрыв.

Стена зала с противоположной стороны разворотило. В образовавшийся проем ворвались фигуры. Впереди всех — Калан, его лук был в его руках, а на лице — оскал ярости. За ним — Тарик, весь в крови, но с горящими глазами, и Гронк, размахивающий своим каменным молотом.

Но не они заставили мое сердце екнуть.

Между ними, окутанный дымом и пламенем, стоял он. **Рорк**. Хранитель Огня. Его золотые узоры пылали в полумраке зала, а в руках он сжимал сферу из чистой, белой магмы. Его ледяные глаза нашли меня, и он кивнул, коротко и решительно.

Он пришел. Услышал.

— Покров! — крикнул Рорк, и его голос прорвался сквозь гул, как удар грома.

Он швырнул сферу магмы вверх. Она взорвалась под потолком, создавая на мгновение ослепительный, горячий свет. Тени, эти порождения тьмы, на мгновение отпрянули, их формы заколебались.

Этого мгновения хватило.

— Лораэль! С Тенями! — скомандовала я. — Мы со Рорком — с Сердцем!

Я ринулась вперед, не оглядываясь. Рорк был уже рядом, его руки двигались, и потоки раскаленного воздуха сгущались перед ним, образуя щит против черных молний.

— Оно живое! — крикнула я ему. — И оно страдает!

— Все живые существа страдают, когда их убивают! — рявкнул он в ответ, отражая очередей ступок энергии. — Но это не значит, что его не нужно остановить!

Он был прав. Но в моей душе что-то сопротивлялось. Уничтожить его... было бы таким же актом пустоты.

Мы подобрались ближе. Жар от Рорка был невыносимым, но его сила создавала вокруг нас пузырек относительной безопасности. Я смотрела на быющее, одинокое Сердце. И я вспомнила уроки Верды. Вспомнила мандрагору. Вспомнила репу.

Я закрыла глаза и перестала бороться.

Я протянула к нему руку — не с клинком, а с открытой ладонью. Я отключила все свои защиты. Вся моя ярость, весь страх, вся боль — я отпустила их. И вместо этого я послала ему то, чего ему, возможно, не хватало больше всего на свете.

Я послала ему **понимание**.

Не любовь. Не сострадание. А просто... признание его существования. Я показала ему образ самой себя — одинокой, чужой, наполненной силой, которую она не просила. Я показала ему Рорка, чья сила рождена от гнева земли. Я показала ему Талрана, принесшего себя в жертву. Я показала ему Зурью, тоскующую по дому. Я показала ему Калана, верного своей земле, и Тарика, ищущего мести. Я показала ему Лораэль, холодную и точную. Я показала ему Моргуса, чья преданность была прочнее стали.

Я показала ему не идеальный мир. Я показала ему наш мир. Жестокий, несправедливый, полный боли. Но также — полный связей. Полный музыки. Полный жизни.

Я не предлагала ему заполнить его пустоту. Я предлагала ему **увидеть** что-то кроме нее.

И оно... замерло.

Рев стих. Черные молнии застыли в воздухе. Тени, с которыми сражалась Лораэль, распались на клочья темной энергии и рассеялись. В центре зала шар из света и молний медленно погас. На его месте остался лишь небольшой, темный, потухший кристалл, который с тихим звоном упал на пол.

Тишина, наступившая после, была оглушительной. Я стояла на коленях, тяжело дыша, чувствуя, как слезы текут по моим щекам. Я не знала, что произошло. Уничтожила ли я его? Или... отпустила?

Рорк подошел ко мне и грубо потрепал меня по плечу.

— Глупо. Опасно. Но... эффективно. Что ты сделала?

— Я... поговорила с ним, — прошептала я.

Он фыркнул, но в его глазах читалось неодобрение, а уважение.

Мы поднялись. Лораэль подошла к нам, ее одежда была порвана, но ранений не было. Калан, Тарик и Гронк добирались до нас, обходя груды обломков. Внезапно все здание содрогнулось. Без своего Сердца система умирала.

— Нам нужно уходить, — сказал Калан. — Сейчас же.

— Другие пленные! — вспомнила я.

Рорк кивнул.

— Мы нашли зону содержания. Выпустили тех, кто мог идти. Остальных... — он покачал головой.

Это была горькая правда. Но мы спасли тех, кого смогли.

Мы покинули умирающую базу, выходя через пролом, который сделал Рорк. Нас ждал Моргус и группа спасенных осколков и людей, среди которых была и Зурья, очнувшаяся от удара.

Я стояла и смотрела, как огромное сооружение иномирцев оседает, рушится, поглощая само себя. Мы выиграли эту битву. Не силой, а чем-то иным.

Но я знала — это была лишь одна база. Один оплот. Война не закончилась. Она только началась. И теперь у нас была надежда. И странный, новый союзник, чья мощь могла сравниться с яростью самой земли.

Я посмотрела на Рорка.

— Как ты нашел нас?

Он ухмыльнулся.

— Ты, девочка, когда используешь свою силу, светишься, как сигнальный костер в ночи.

А я... я всегда слежу за пламенем.

Мы отступили в пещеры, наш временный лагерь теперь был переполнен. Спасенные пленные — люди, перевертыши, осколки иных миров, которые сидели у стен, закутавшись в то, что удалось найти, их глаза были пустыми или полными слез. Воздух был густым от запаха пота, крови и страха. Но сквозь него пробивалось и нечто другое — хрупкое, едва рожденное чувство облегчения.

Зурья сидела, прижимая к груди обсидиановый кинжал, ее взгляд был прикован к неподвижному телу Талрана, которое мы бережно перенесли. Она не плакала. Она просто смотрела, и в ее змеиных глазах бушевала буря из горя и ярости.

Рорк стоял у входа в пещеру, его мощная фигура заслоняла свет. Он не участвовал в суете. Он был как утес, непоколебимый и молчаливый, его золотые узоры мерцали в полумгле, словно тлеющие угли.

Я подошла к нему.

— Спасибо, — сказала я просто. Слова казались слишком слабыми для того, что он сделал.

Он кивнул, не глядя на меня, его взгляд был устремлен в сторону руин базы, откуда все еще поднимался черный дым.

— Ты зажгла огонь, девочка. Я лишь подбросил в него дров. — Он наконец повернул ко мне свое суровое лицо. — Но пламя вышло из-под контроля. Они теперь знают, что ты не просто искра. Ты — факел. И они пойдут на все, чтобы затушить тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.